

Кэтрин Э. Уилсон

БОЛИВАРИАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПО УГО ЧАВЕСУ

Дж. Г. Эллиот. «Империи Атлантики: Британия и Испания в Америке — 1492–1830». New Haven and London: Yale University Press, 2006. 608 pp.

Николас Козлофф. «Уго Чавес: нефть, политика и вызов Соединенным Штатам». New York: Palgrave Macmillan, 2006. 272 pp.

Джон Линч. «Симон Боливар: одна жизнь». New Haven and London: Yale University Press, 2006. 368 pp.

Кристина Маркано и Альберто Баррера Тишка. «Уго Чавес: полная биография противоречивого президента Венесуэлы». Пер. Кристина Кордеро, пред. Моисес Наим. New York: Random House, 2007. 352 pp.

Выражаю глубокую благодарность Николасу Чеккони, старшему научному сотруднику по программе магистратуры государственного университета Виллановы, за помощь в работе с источниками, необходимыми для написания данного эссе.

Реплика короля Хуана Карлоса, брошенная им в ходе 17-го Иbero-американского саммита в прошлом году в Сантьяго, Чили, пришлось очень кстати. После того как в отношении Хосе Марии Аснара, бывшего премьер-министра Испании, Чавес употребил слово «фашист», испанский король вмешался со словами «¿por qué no te callas?» — «почему бы тебе не заткнуться?» Накануне референдума 2 декабря 2007 года, который должен был укрепить «боливарианскую социалистическую революцию» Чавеса, народ Венесуэлы убедительно продемонстрировал, что обратил внимание на пророческие слова короля, когда тысячи протестующих заполнили улицы Каракаса, распевая хором «¿por qué no te callas?» Против предложения, вынесенного на референдум, проголосовало незначительное большинство (50,7% «против», 49,3% «за»). Его прохождение означало бы введение приблизительно 69 конституционных изменений, таких как облегчение экспроприации частной собственности; предоставление вооруженным силам особых прав на арест граждан во время «государственных чрезвычайных ситуаций» без соблюдения надлежащих правовых процедур; а также предоставление Чавесу

су неограниченного срока пребывания на посту президента Боливарианской Республики Венесуэлы. Рауль Бадуэль, бывший министр обороны при Чавесе и ведущая фигура оппозиционной кампании, сравнил подобное предложение не с чем иным, как с «конституционным переворотом»¹.

Недавняя демонстрация оппозицией способности противостоять силовому правлению Чавеса в значительной степени обеспечена массовой организацией венесуэльского студенческого движения, чьей целью является укрепление демократических институтов и защита гражданских прав. Протестующие студенты, прозванные Чавесом «пешки империализма»², вместе с другими оппозиционными группами показали, насколько эфемерен социализм боливарианской революции XXI века не только в Венесуэле, но и в остальной Латинской Америке. Сегодня эхо от праздничного заявления Чавеса «Ничто не остановит революцию!», сделанного на его победных президентских выборах 2006 года, разносится по стране гораздо слабее. Даже если Нестор Киришнер, бывший президент Аргентины, недавно назвал Чавеса «великим демократом», большинство лидеров Латинской Америки просто «не обращают на него внимания и принимают его привлекательные экономические предложения, не поддерживая на деле его основной программы»³.

Чавес как никогда далек от правды, когда утверждает, что его социалистическую революцию вдохновило наследие Симона Боливара, великого освободителя Латинской Америки и любимого сына Венесуэлы. Боливар никогда бы не смешал либеральные демократические принципы с утопическим социализмом, в отличие от Уго Чавеса, продемонстрировавшего это в ходе своей, боливарианской, революции. К тому же Чавес, видимо, забыл о печальном конце самого Боливара. Яркий портрет Боливара представлен в книге Габриэля Гарсии Маркеса «Генерал и его лабиринт» (*El general y su laberinto*) (1989) — очевидно, любимой книге Чавеса — где закат своих дней герой встречается вдали от родной земли. Наблюдая со своим соратником, генералом Антонио Хосе де Сукре (маршал Аякучо), за крушениями планов о достижении независимости Латинской Америки в Перу, Венесуэле, Боливии, Эквадоре и Колумбии, генерал Боливар с горестью заключает: «Короче говоря, они уничтожают ногами то, что создано нашими руками». Сукре отвечает: «Это насмешка судьбы. Кажется, если бы нам удалось засеять идеал независимости глубже, сейчас люди старались бы освободиться друг от друга»⁴.

1 Thomas Catan. Thousands March to Demand a Limit to Presidential Power. *The London Times*, December 1, 2007, p. 51; William Ratliff. Fooling Most Venezuelans. *Los Angeles Times*, November 24, 2007, A23; Peter Godspeed. Voters Narrowly Reject Chavez Reform Plans; Proposed Changes to Constitution would have created Cuban-Style Nation. *National Post*, December 4, 2007, A19.

2 Benedict Mander. Critics Step Up Fight as Chavez Scores Own Goal. *Financial Times*, June 25, 2007, p. 7.

3 Argentine President Thanks Chavez for Being a «Great Democrat». *BBC Monitoring Latin America*, December 4, 2007; Michael Shifter. In Search of Hugo Chavez, *Foreign Affairs*, May/June 2006.

4 «En suma... todo lo que hemos hecho con las manos lo estan desbaratando los otros con los pies». Sucre replies, «es una burla del destino... Tal parece como si hubieramos sembrado tan hondo el

БОЛИВАРИАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: УТОЧНЯЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Согласно Чавесу, боливарианская революция — это трехсторонний подход, определенный политической теорией, утверждаемый народными лидерами и узаконенный государственной политикой. Следовательно, такая революция обладает и теоретическим, и практическим измерениями. Как и его кумир Боливар, Чавес утверждает, что в сердце этой революции лежит борьба против иностранного империализма. В случае Боливара борьба подразумевала свержение испанской колониальной власти. Чавес, однако, истолковал боливарианскую революцию как ликвидацию пагубного распространения капитализма в Латинской Америке, проводимого неолиберальной экономической политикой, Вашингтонским соглашением и силами глобализации. Считая, что ответственность за разрушительное шествие мирового капитализма в регионе лежит в основном на Соединенных Штатах, Чавес также осуждает империалистические замыслы *pitiyanquis* (сочувствующих янки) и, в последнее время, испанских инвесторов в Латинской Америке. Вместо создания Американской свободной торговой зоны (ФТАА), намеченного по империалистическому проекту, Чавес в 2001 году предложил Пан-американскую боливарианскую альтернативу (ALBA), основная цель которой состоит в воспитании экономической солидарности народов Латинской Америки. До своего президентства Чавес критиковал бывшего президента США Билла Клинтона за высказывание — во время панамериканского саммита в 1994 году (встреча лидеров полушария в Майами) — о том, что создание ФТАА отражало мечту Боливара о единстве Латинской Америки. Чавес протестовал, говоря, что такие слова явились «пощечиной истории и всем нам, знающим историю и идеалы, которым Боливар посвятил всю свою жизнь»⁵.

Чавес — отнюдь не первый латиноамериканский президент, причастный к печально известному «культу Боливара». На протяжении венесуэльской истории почти все президенты и генералы — независимо от своей политической принадлежности или своего собственного характера — «преклонялись перед Освободителем»⁶. Умерев в изгнании, Боливар был буквально «воскрешен» венесуэльским народом как образец для подражания в стране «без предшествующей славной истории или выдающегося колониального опыта». Кроме того, по существу, освященная преданность Боливару дала венесуэльцам возможность «завоевать международное признание» и «отделиться от склонности к самоуничтожению»⁷. Охарактеризовав Боливара как «*el primero uno de los primeros antiimperialistas de esta tierra*» (первого из антиимпериалистов в этой стране), Чавес не только еще раз воскресил Боливара,

ideal de la independencia, que estos pueblos estan tratando ahora de independizarse los unos de los otros». Gabriel Garcia Marquez. *El general y su laberinto* (Madrid: Mondadori España, S. A.: 1989), p. 26.

5 Kozloff, p. 39.

6 Richard Gott. *Hugo Chavez and the Bolivarian Revolution* (London and New York: Verso, 2005), p. 91.

7 Lynch, pp. 301, 303.

но и изобрел «*Bolivar de hoy*» (Боливара наших дней)⁸ — революционный план в духе Боливара по распространению социализма XX столетия не только на родине Чавеса, но и по всему латиноамериканскому региону.

В принципе, чтобы прибавить своей боливарианской революции достоверности, Чавес воскресил и таких выдающихся мыслителей левых, как Карл Маркс, Ноам Хомский, Эрнесто «Че» Гевара, Андре Гюндер Франк и перуанский марксист Хосе Карлос Мариатеги. Франклин Фоер утверждает, что обращаясь к таким интеллектуалам-тяжеловесам, Чавес хотел бы произвести впечатление схожего с ними «интеллектуала-космополита». Однако Луис Микилена, бывший высокопоставленный советник Чавеса, утверждает, что гремучая смесь политических идей, формирующих боливарианскую Революцию, больше похожа на «тарелку минестроне»^{9,10}.

Основной теоретической системой, направляющей революцию Чавеса, является политический синкретизм. В этом смысле весьма показательна одна из последних речей Чавеса. Речь, посвященную открытию 16-го Фестиваля молодежи и студенчества в Каракасе, Чавес украсил ссылками и цитатами из Боливара, Карла Маркса, Габриэля Гарсии Маркеса, поэта Мариатеги, Хуана Хельмана и Иисуса Христа. Утверждая, что социализм XX века в долгу у древних христианских ценностей — «интеллектуального течения, направляющего и питающего наш строящийся социализм», Чавес также предположил, что «социализм был в генах» Боливара. Он отметил, что если бы Боливар прожил еще десять лет, он безусловно стал бы важной составляющей движения утопического социализма, возникшего в Европе и Америке в середине девятнадцатого века.

Как и Боливар, Чавес в значительной мере рассчитывает на вооруженные силы в деле продвижения своих политических реформ в Венесуэле. В то время как он утверждает, что в основе его демократического правления в Венесуэле лежит «альянс вооруженных и гражданских сил»¹¹, страна остается сильно милитаризованной: представители вооруженных сил вовлечены во все сферы венесуэльского общества — от принадлежащей государству нефтяной компании *Petroleos de Venezuela Sociedad Anonima (PdVSA)* до общественных предприятий и частных концернов. В сущности, преданные Чавесу военные чиновники контролируют более трети регионального управления Венесуэлы¹². Приверженность же Чавеса принципу активного участия народа в управлении государством поистине парадоксальна.

Как латиноамериканский популистский лидер Чавес использует свою еженедельную телепрограмму «*Alo Presidente*» («Алло, президент») как канал

8 Chavez. Al capitalism hay que trascenderlo por la via del socialism; O nos unimos o nos hundimos, *La unidad latinoamericana*, 105, p. 2.

9 Распространенный в Латинской Америке вид овощного супа с мясом. — *Прим. пер.*

10 Franklin Foer. The Talented Mr. Chavez, *Atlantic Monthly*, May 2006, 100; Simon Romero. In Venezuela, Chavismo is Dissected by Fans and Foes, *The New York Times*, January 24, 2007, A3.

11 Kozloff, p. 77.

12 Shifter, «In Search of Hugo Chavez».

благотворительных пожертвований от имени государства, то есть его «миссий по спасению людей», финансируемых за счет нефтяного бума 2003 года¹³. Даже его намерение объединить политическую власть посредством референдума в декабре 2007 года проводилось законными и демократическими методами. Однако, как свидетельствовало растущее число студентов, протестующих на улицах Каракаса, его персоналистское правление обращает все больше людей против него, включая и множество бывших *чавистов*, и даже его бывшую жену Марисабель Родригес, утверждавшую, что призыв Чавеса к институционализации боливарианской революции не что иное, как способ и дальше «гипнотизировать народ». Как замечает Альберто Баррера Тишка, «это не диктатура, но нечто более сложное: тирания популярности»¹⁴.

Извлекая выгоду из воззваний Боливара к массам, Чавес стремился заручиться народной поддержкой своих просоциалистических общественных программ в Венесуэле. Кажется, что за время его пребывания у власти на каждой грани венесуэльской политической жизни появилась печать с изображением Боливара. Сразу же по вступлении в должность Чавес вносит предложение переименовать Венесуэлу в Боливарианскую Республику Венесуэлу.

Кроме того, существует и длинный список социальных программ, отдающих дань уважения Боливару, начиная с «Плана Боливара 2000», проекта социального обеспечения, осуществляемого военными на государственном уровне, и заканчивая боливарианскими кружками, которые объединяли районные ассоциации и должны были приучить венесуэльское население к более активному участию в управлении государством. Политическую целесообразность эксплуатации образа Боливара в Венесуэле Чавесом трудно переоценить. Опираясь на послание Боливара о латиноамериканском единстве, Чавес освободил дорогу энергичному движению латиноамериканских левых, желающих дать волю национализму в регионе. Вековой вопрос «¿Quiénes somos?» (кто мы?)¹⁵, впервые заданный Боливаром, кажется, вдохнул новую жизнь в революционный проект Чавеса, от расовой политики до использования нефтяной дипломатии — и на региональном, и на международном уровне.

13 Javier Corrales and Michael Penfold. Venezuela: Crowding Out the Opposition, *Journal of Democracy*, 18, April 2007, p. 103.

14 Jose Orozco. Ex-wife Damns Chavez Coup, *London Times*, 2 December 2007; Simon Romero. Chavez's Next Step in the Revolution; Venezuela to Vote on Constitution, *The International Herald Tribune*, November 17, 2007, p. 1.

15 Во время войны за независимость в Латинской Америке Боливар сожалел о нехватке идентичности в регионе: «Мы не европейцы, мы не индейцы, мы не что иное, как смесь аборигенов и испанцев. Американцы по рождению и европейцы по закону, мы вовлечены в двойной конфликт: спорим с аборигенами о праве на собственность и одновременно боремся в стране, в которой родились, против вторжения чужеземцев. Таким образом, наше положение является в высшей степени необычным и сложным». Послание конгрессу в Ангостуре, 1819.

На первый взгляд может показаться, что у Чавеса и Боливара много общего: их военное воспитание, стремление вовлечь расовые меньшинства в политическую игру, предпочтение сильного централизованного правления, а также общее стремление к тому, чтобы Латинская Америка не копировала, а сама занималась нововведениями. Обе политические фигуры руководствовались одним девизом — «думай сам». Кроме того, Чавес, как и Боливар, «исключительно сложный человек», одновременно олицетворяющий и политический абсолютизм, и восстание против иностранных интриг. Но даже при наличии подобной общности следует провести более глубокий анализ этих разделенных двумя веками коренных венесуэльцев. Каждого следует понимать в его собственном историческом контексте¹⁶.

Для Чавеса, например, вполне привычно воскликнуть во время общественных выступлений «¡Que viva Simon Bolivar!» (Да здравствует Симон Боливар!) Однако, чтобы получить более точный портрет легендарной личности, на карикатуру Боливара, нарисованную Чавесом, и его боливарианскую революцию придется взглянуть попристальней. В своей недавно вышедшей работе «Симон Боливар: жизнь» (2006) Джон Линч пытается решить именно эту задачу, демистифицируя жизнь и деятельность освободителя. Хотя Альваро Варгас Льоса замечает, что Боливар был «не только прирожденным военным, но также человеком тяжелого нрава»¹⁷, Линч представляет освободителя пяти южноамериканских стран в более позитивном свете. По его мнению, Боливар был независимо мыслящей личностью, желавшей «американских решений американских проблем». Изначально руководствуясь идеей борьбы за независимость, а позднее представлением о собственном величии, он сталкивался с внешними препятствиями в своей борьбе за освобождение Латинской Америки. Целый ряд кампаний, развязанных *caudillos* (региональными военачальниками) против его борьбы, поставил достижение независимости под вопрос, приводя в конечном итоге к истощению возможности латиноамериканского единства. Кроме того, исключительная поляризованность в отношении расовых вопросов в данном регионе также явилась серьезным препятствием на пути к независимости¹⁸.

Боливара и его борьбу за независимость на континенте необходимо оценивать с учетом колониальной культуры Испанской Америки. Интеллектуальный универсум южноамериканского общества, пишет Дж. Г. Эллиот в «Империях Атлантики» (2006), складывался как «культура завоевания», с ярко выраженными патриархальными социальными отношениями, контролируемой государством церковью и одержимостью генеалогией. Александр фон Гумбольдт, немецкий исследователь и путешественник по Латинской Америке (1799-1804), дал описание колониального общества Испанской Америки, охватывавшего два различных типа знати. Первая группа состояла из креолов, связывающих свой социальный статус и привилегии с пре-

16 Lynch, 36, xi, xii.

17 Alvaro Vargas Llosa. Democracy's Caudillo, *The New Republic*, June 19, 2006, p. 29.

18 Lynch, pp. 285, 158.

данностью Испании. Тем временем вторая группа, «более американская», включала потомков *конкистадоров*. Новые идеи и образ жизни, пришедшие с эпохой Просвещения, вызвали у них интерес¹⁹. Как креол, «родившийся в первой группе и перешедший во вторую», Боливар принял новый образ мысли. Получив образование в Европе, он впитал идеи Просвещения, в особенности политические представления Руссо и Монтескье. Хотя эпоха Просвещения сыграла значительную роль в интеллектуальном развитии Боливара, он прекрасно видел недостатки непосредственного применения этой системы мысли в колониальном контексте Испанской Америки. Он полагал, что слепая приверженность модели федерализма Соединенных Штатов была бы неуместной. Придерживаясь мнения, что законы должны отражать уникальный характер общества, народа и времени, Боливар был сторонником «практического либерализма». Он понимал, что в деле борьбы за независимость в Южном полушарии решающую роль играли скорее конкретные американские интересы, а не абстрактные идеалы²⁰.

Хотя Боливар не верил в то, что мысль Просвещения уместна в контексте Испанской Америки, он все же возлагал большие надежды на применимость своей конституции в новых независимых государствах. Среди основных особенностей его конституции были разделение законодательной, исполнительной и судебной власти; часто проводящиеся выборы; упразднение социальных привилегий; отмена рабства; сильное централизованное управление и пожизненное президентство. Боливар рассматривал конституцию как «ковчег завета, союза между Европой и Америкой, между солдатом и штатским, между демократией и аристократией, между империализмом и республиканизмом». Утверждая, что его конституция представляет собой баланс между федерализмом и монархией, Боливар проявил «замечательную последовательность в преданности либеральному республиканизму», даже с учетом его критических замечаний о том, что он сам предпочел бы военную диктатуру²¹. Его абсолютистское правление в сущности всегда понималось им лишь как временное, и он расценивал свою приверженность сильному централизованному правлению как необходимость в условиях «унаследованной политической культуры»²² имперской Испанской Америки. Конституция была доказательством практического либерализма Боливара, то есть горячей веры в то, что теория должна следовать за реальностью. Следовательно, институциональные механизмы правления должны были служить практическим целям, а не абстрактным принципам. Даже его злосчастная четвертая власть, то есть *poder moral* (моральная власть), имела практическую цель, а именно цель образования населения

19 Elliott, pp. 207, 177, 201, 171; Alexander von Humboldt and Aime Bonpland. *Personal Narrative of Travels to the Equinoctial Regions of America, During the Years 1799–1804*, Vol. 1, trans. and ed. Thomasina Ross (London: Henry G. Bohn, 1852), pp. 413–414.

20 Lynch, pp. 6, 29.

21 Lynch, pp. 224, 201–204, 222, 238–239.

22 Elliott, p. 396.

в духе общественной активности и политической добродетели²³. Со времени принесения 15 августа 1805 года в Риме присяги, Боливар ясно представлял себе всю тяжесть задачи достижения независимости. В присутствии своего постоянного наставника Симона Родригеса и друга Фернандо дель Торо, он заявил в тот день: «Я не успокоюсь ни душой, ни телом, пока не разорву цепи, сковавшие нас под властью Испании»²⁴. В отличие от аналогичного патриотического движения к Северу, длительная военная кампания Боливара (1808-1826), в принципе, проходила без «активной поддержки иностранными силами». В отсутствие подобных ресурсов кампания более активно опиралась на «силы лидеров», представленные такими ключевыми фигурами освободительного движения, как Хосе де Сан-Мартин, Антонио де Сукре, Франсиско де Паула Сантандер, а также сам Боливар²⁵. Сильнейшая зависимость от местных факторов заставила Боливара обратиться к необходимой для победы силовой риторике: «Любой испанец, не выступающий самым активным и эффективным образом против тирании в борьбе за справедливое дело, будет считаться врагом, вследствие чего, как предатель страны, будет неизбежно расстрелян»²⁶.

Помимо множества погибших патриотов, в ходе освободительной борьбы Боливара были и другие «потери». Во-первых, осуществленный *caudillos*²⁷ срыв плана Боливара о национальном самоопределении в Испанской Америке. В то время как одни военачальники сражались во имя революции, другие — расстраивали планы объединения, требуя установления федералистской системы правления, тем самым провоцируя положение, близкое к гражданской войне. По мнению Линча, «ни один каудильо не хотел подчиняться другому, каждый сражался за независимость в „естественном состоянии“, без единой для всех власти». Во-вторых, такой потерей стало крушение мечты Боливара о социальной интеграции в освобожденных колониях.

Несомненно, расовые разделения создавали «тревожный климат» не только во время революции, но также и после нее. К концу колониального периода в Венесуэле примерно пятнадцать процентов населения были индейцами, тогда как пятьдесят процентов считались *pardos*²⁸. Хотя Боливар пытался интегрировать *pardos*, присваивая им всевозможные воинские звания — так, в действительности некоторые из его высших военных чинов, Мануэль Пиар и Хосе Пруденсио Падила, были *pardos* — он считал, что расовой войны или *pardocracia* (правления *pardo*) уже не миновать²⁹. И «самым естественным побуждением» такого режима «в конечном счете стало бы уни-

23 Lynch, pp. 33, 122.

24 Lynch, p. 26.

25 Elliott, p. 394.

26 John Lynch. *The Spanish American Revolutions 1808–1826*, 2nd ed. (New York and London: W. W. Norton & Co., 1986), p. 203.

27 От исп. *caudillo* — предводитель; диктатор, получивший власть посредством военного переворота. — *Прим. пер.*

28 Темнокожие (*исп.*), то есть метисы. — *Прим. пер.*

29 Lynch, pp. 36, 98–99, 83, 149, 10, 107.

чтожение привилегированного класса»³⁰, то есть класса Боливара. Наконец, в-третьих, это крушение надежд Боливара на создание конфедерации стран Испанской Америки, к чему в 1826 году уже приступил Панамский Конгресс. Ввиду угрозы анархии и фракционности в новых государствах Боливар быстро отказался от своего идеала Панамериканского единства, по мере того как каждая страна обращалась к собственным формам национальной идентичности³¹.

Уходя с поста президента в 1830 году, Боливар выступил перед конституционным конгрессом в Боготе, завершив свою речь горестными словами: «Стыдно признаться, но независимость это единственное благо, которого мы добились — ценою всего остального». Оценивая борьбу за независимость десятилетием раньше, Боливар осознавал, что «ни свобода, ни законы, ни даже самое блестящее образование не сделают нас законопослушным народом, и, еще менее, республиканцами и истинными патриотами». К концу жизни Боливар был безутешен, видя лишь неудачи в своем законотворчестве. Он признавал, что «Венесуэла оказалась жертвой моих же собственных достижений». Но как бы он ни сомневался в том, какой именно след оставил в истории, сияние его величия не погасло. Стойко веря в то, что практический либерализм должен вдохновить освободительное движение в Испанской Америке, Боливар был — и остается — «выдающейся фигурой в галерее посредственностей»³².

КУЛЬТ ЧАВЕСА

Как и его горячо любимый предшественник Боливар, Чавес одержим идеей о своем историческом наследстве. Сильнее всего эта одержимость проявилась на момент предложения о проведении референдума в декабре 2007 года, который, помимо всего прочего, позволил бы Чавесу оставаться на своем посту до 2050 года — своего 95-летия. Кроме того, Чавес гордится тем, что его вдохновляет одно с Боливаром желание — желание латиноамериканского единства. Основываясь на провозглашенном Боливаром лозунге «единство, единство, единство»³³, он заявил — «*o nos unimos o nos bundimos*» (мы либо погибнем, либо станем едины)³⁴. Чавес часто утверждает, что фигура Боливара находится в самом сердце грядущей социалистической революции в Венесуэле. При ближайшем рассмотрении, однако, никакой «боливарианской социалистической революции» не обнаруживается, — лишь социалистическая революция самого Чавеса в одеждах Боливара. Соглашаясь с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в том, что «призрак коммунизма вновь

30 *Spanish American Revolutions*, p. 226.

31 Lynch, pp. 214–215, 269.

32 Lynch, pp. 270, 135, 215, 271.

33 Howard Wiarda. *The Soul of Latin America: The Cultural and Political Tradition* (New Haven and London: Yale University Press, 2001), p. 129.

34 Chavez. *O nos unimos o nos hundimos*, *La Unidad Latinoamericana*, p. 5.

блуждает по миру», Чавес рассматривает революцию как очевидный выбор между «социализмом и варварством»³⁵.

Чавес намеренно называет свою революцию «боливарианской». Как видно из исследований о президентах, последние специально выбирают исторические фигуры, которым они хотели бы подражать, чтобы найти исторические оправдания своим политическим решениям. По мнению Филипа Эббота, президенты, подобно робким актерам, используют «предшествующих глав государства в качестве образцов для своих политических инициатив»³⁶.

Вместо того, чтобы проложить свой собственный путь, президенты — на протяжении всей истории — следовали совету Николо Макиавелли в «Государе»: «Поскольку люди обычно идут путями, проложенными другими, и действуют, подражая какому-либо образцу, но так как невозможно ни неуклонно следовать этими путями, ни сравняться в доблести с теми, кого мы избираем за образец, то человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим»³⁷. С точки зрения Латинской Америки Чавес сознательно использовал пример Боливара как средство, которое позволит оправдать свою социалистическую программу в глазах народа и сплотить его вокруг своего идеала.

Очарованность Чавеса Боливаром вполне объяснима. В конце концов, он с молодых лет был одержим историей, поглощая книги о военной стратегии и политической теории. После первых же встреч с молодым Чавесом, Хосе Естебан Руис Гевара — его постоянный наставник — немедленно порекомендовал Чавесу сосредоточить свое внимание прежде всего на двух книгах, «Общественном договоре» Руссо и «Государе» Макиавелли³⁸. На протяжении всех своих публичных выступлений Чавес пытался объединить руссоистское понимание «общественного договора» с акцентом Боливара на построении нравственного порядка. Боливар выражал большую неприязнь по отношению к Макиавелли, считая его защитником политического «аморализма»³⁹. Признавая Боливара центральной фигурой «исторического прошлого» Венесуэлы, Чавес стратегически использовал пример Боливара в своей собственной «исторической миссии» — борьбе против североамериканского империализма. Чавес награждал таких региональных лидеров, как Фидель Кастро на Кубе и Луис Игнасио Лула да Сильва («Лула») в Бразилии, точной копией меча Боливара в знак солидарности в этой борьбе. Поступая подобным образом, Чавес стремится превратить практический либерализм Боливара в *чавистский* социализм⁴⁰. Чтобы понять трансформацию культа Боливара в культ Чавеса, необходимо обратиться к недавнему историческому прошлому

35 Chavez. *Que podamos decir: la historia nos absolvio*, *ibid.*, pp. 197, 194.

36 Philip Abbott. *The Exemplary Presidency: Franklin D. Roosevelt and the American political Tradition* (Amherst: University of Massachusetts Press, 1990), p. 7.

37 Niccolo Machiavelli. *The Prince*, 2nd ed., trans. and intro. Harvey C. Mansfield (Chicago and London: University of Chicago Press), p. 22.

38 *Hugo Chavez*, pp. 39–40, 24.

39 Lynch, p. 26.

40 *Hugo Chavez*, pp. 39, 216; Kozloff, p. 109.

Венесуэлы. За сорок лет до триумфа Чавеса на выборах 1998 года для Венесуэлы была характерна «исключающая / эксклюзивная политическая система», контролируемая партиями Демократического действия и Христианских демократов. Подобное доминирование на политическом ландшафте Венесуэлы способствовало возникновению ситуации «хронической коррупции и бесхозяйственности», утверждает Майкл Шифтер. В 1992 году Майкл Коппедж опубликовал в «*Journal of Democracy*» статью «Уязвимая венесуэльская демократия», документально подтверждающую это непрочное состояние политики. Чавес извлек выгоду из подобной ситуации, призвав к замене *partidocracia* (партократии) активным участием в управлении государством народа⁴¹. Более того, заботясь о месте Латинской Америки в мире, Чавес возобновил дискуссию о региональном кризисе идентичности. Он напомнил своему народу, что термин «Латинская Америка» был изобретен в XIX столетии во время правления Наполеона III, когда французские силы готовились завоевать данный регион под прикрытием «*tesis del panlatinismo*» («тезиса панлатинизма»). Далее, он утверждает, что силы мирового капитализма осуществили подобное же покорение латиноамериканской ментальности. Характеризуя капитализм как «*demonio*» (демона), которого следует изгнать, Чавес заявляет, что в результате боливарианской революции Венесуэла освободилась от «*imperialismo norteamericano*» (североамериканского империализма)⁴².

Сам Чавес, будучи *pardo* из венесуэльского *llano* (равнинного района), испытал кризис идентичности как аутсайдер традиционной политической жизни Венесуэлы. В начале девятнадцатого века, в своих дорожных записках Гумбольдт не только описывает «бесконечную монотонность» *llano*, но и характеризует его как «убежище для преступников»⁴³. Чавесу удалось извлечь выгоду из своего статуса политического аутсайдера, вызвав «новое пробуждение среди коренного населения» региона, что в частности проявилось в 2005 году, во время убедительной победы на президентских выборах в Боливии Эво Моралеса, индейца аймара, выращивавшего листья коки. Не ограничивая себя политическим ландшафтом Латинской Америки, Чавес обратился к обездоленным группам за пределами региона для противостояния силам североамериканской гегемонии. Среди его политических союзников в Соединенных Штатах те, кто озабочен положением расовых меньшинств, например конгрессмен Хосе Серрано (Демократическая партия, Нью-Йорк) и преподобный Джесси Джексон⁴⁴. Чавес также может рассчитывать на поддержку Джозефа П. Кеннеди, председателя и президента Citizens Energy Corporation, выпустившей рекламный ролик о доставке дисконтной венесуэльской нефти для отопления домов бедняков в Соединенных Штатах. Стоя на борту нефтяного танкера в озере Маракайбо, Кеннеди

41 Shifter. In Search of Hugo Chavez; Michael Coppedge. Venezuela's Vulnerable Democracy, *Journal of Democracy*, October 1992, pp. 32–44.

42 Chavez. Lograremos construir la utopia; Estamos comenzando a construir, *La unidad latinoamericana*, pp. 70, 312, 314.

43 Lynch, pp. 3–4.

44 Kozloff, pp. 173, 177.

воскликает: «Я — Джо Кеннеди. Помощь уже в пути — мазут для отопления с сорокапроцентной скидкой от наших венесуэльских друзей из CITGO»⁴⁵.

Взяв обязательство завершить незаконченный проект Боливара, в декабре 1983 года Чавес, со своими партнерами Хесусом Урданетой, Фелипе Акостой и Раулем Бадуэлем, повторял знаменитую клятву Боливара, данную им в Риме в 1805 году. Заменяя слова «сильные испанцы» на «сильные», Чавес адаптировал клятву Боливара к историческим условиям Венесуэлы⁴⁶. Признав, что «политические средства прошлого... более не жизнеспособны в своей изначальной форме»⁴⁷, Чавес пустил в ход новые политические стратегии, облекая их в форму исторической ностальгии. Руис Гевара гордился бы способностью ученика в следовании мудрому совету Макиавелли в «Государе». Как пишет последний, «я думаю также, что сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени»⁴⁸. Чавес одновременно отстаивал ключевые аспекты практического либерализма Боливара — пожизненное президентство, консолидация латиноамериканского региона и необходимость четвертой власти, власти морали — и представления утопического социализма. Согласно Чавесу, боливарианская революция есть прежний проект Боливара, «вернувшийся спустя двести лет и продолжающий жить на этих улицах, в этих районах и городах»⁴⁹.

Заявляя, что в сущности Боливар был одним из первых социалистов, Чавес приспособил послание Боливара к специфическим потребностям Венесуэлы XXI века. Его постоянное апеллирование к фигуре Боливара помогло ему «обнаружить, какие возможности существуют в политической системе»⁵⁰, в особенности во время, когда неолиберальная экономическая политика была не в моде. Однако в последнее время и сама боливарианская революция не пользуется популярностью. Сравнивая положение дел в стране с Левиафаном, Чавес воспроизводит тот самый империализм, который он стремился уничтожить. Таким образом, боливарианская социалистическая революция Уго Чавеса есть не что иное, как фиктивная модель народной демократии. Вместо воскрешения кумира Чавес самого себя сделал объектом политического культа.

СДЕРЖИВАНИЕ ЧАВИЗМА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Самая значительная революционная кампания Боливара была также победой над умами людей в колониальной Испанской Америке. Как отмечает

45 «Joe Kennedy's CITGO Commercial».

46 Marcano and Barrera Tyszka, p. 48.

47 Hector E. Schamis. Populism, Socialism, and Democratic Institutions, *Journal of Democracy*, October 2006, p. 33.

48 *The Prince*, p. 99.

49 Chavez. Que podemos decir: la historia nos absolvio, p. 197.

50 Lara M. Brown. The Contemporary Presidency: The Greats and the Great Debate: President William J. Clinton's Use of Presidential Exemplars, *Presidential Studies Quarterly*, March 2007, p. 125.

Линч, «Боливар обратился к воле народа и обязался несмотря ни на что ей следовать». Встает вопрос о том, следует ли Чавес этому примеру в нынешней Венесуэле. Чавес как авторитарный, — в духе российского президента Владимира Путина, — лидер, проявил большое усердие при формировании народной поддержки, которая бы вознесла его на президентский пост. По иронии судьбы Чавес, имея антидемократическое прошлое, в особенности в качестве лидера неудавшегося в 1989 году переворота при президенте Карлосе Андресе Пересе, воспользовался «демократическими средствами» не только для победы на президентских выборах 1998 года, но и для недавнего предложения о референдуме. Возможно, использованию Чавесом таких на первый взгляд противоположных политических категорий, как военная диктатура, авторитаризм, демократия с активным участием в управлении государством народа и утопический социализм, не стоит удивляться. После совместного с ним полета из Гаваны (Куба) в Каракас в 1999 году Гарсиа Маркес сказал: «Мной овладело чувство, что я только что путешествовал и мило беседовал с двумя совершенно разными людьми. Одному капризы фортуны дали возможность спасти свою страну. Другой — фокусник, который может войти в учебники истории лишь как еще один деспот»⁵¹.

Беспокойство по поводу того, последуют ли примеру *чавизма* страны региона, снято текущими событиями... Дело не только в том, что неправительственная организация Transparency International присвоила Венесуэле 162 место из 179 возможных в списке стран с процветающей коррупцией, но, как указано выше, налицо «растущая апатия и разочарование среди сторонников *чавизма*» — результат роста цен на нефть и высокой инфляции. Даже когда сторонников Чавеса, специально отобранных из низших слоев венесуэльского общества, спросили «где же революция?», они отвечали: «сюда она еще пока не дошла»⁵². Возможно поэтому боливарианскую революцию и называют «*nueva utopía*» (новая утопия)⁵³.

Можно с уверенностью сказать, что *чавизм* столкнулся с политикой сдерживания как в Венесуэле, так и по всей Латинской Америке. На конференции в декабре 2007 года на тему «Глобализация и подъем левого движения в Латинской Америке», проведенной в Принстонском университете, Игнасио Уокер заявил, что левый уклон власти «исключение, а не правило» в регионе. С 2002 года большинство победителей на президентских выборах (по результатам последних по времени 14 выборов) в Латинской Америке отождествлялись с левыми, среди них Лула в Бразилии (2002); Нестор Киришнер (2003) и Кристина Киришнер в Аргентине (2007); Табарэ Васкес в Уругвае (2005); Мишель Башле в Чили (2006); Эво Моралес в Боливии

51 Lynch, p. 267; Damarys Canache. From Bullets to Ballots: The Emergence of Popular Support for Hugo Chavez, *Latin American Politics and Society*, (Spring 2002), p. 71.

52 Moises Naim. Venezuela Vice: The Country is Rapidly Becoming a Haven for Global Crime Syndicates, *Los Angeles Times*, November 10, 2007, p. A21; The Beginning of the End for Hugo Chavez, *The Economist*, December 8, 2007; Ian James. In Poor Town, Residents Await Chavez's Promised Revolution, *The Philadelphia Inquirer*, January 6, 2008.

53 «Lograremos Construir la Utopía», p. 71.

(2006); Алан Гарсиа в Перу (2006) и Рафаэль Корреа в Эквадоре (2007). Среди данных режимов режим Чавеса считается «самым резким». Согласно Уокеру, пришествие социальных демократических режимов, подобных режимам в Бразилии, Чили, Уругвае, Панаме, Коста-Рике, Перу и на Карибах находилось в тени силового правления Чавеса. В отличие от боливарианской революции эти режимы, в сущности, представляют «„более прагматичных“ и „реформистских“ левых», а также «новое понимание политической демократии»⁵⁴. Как и все иллюзии, боливарианская революция по Уго Чавесу будет неизбежно разрушена. Ведущий теоретик *чавизма*, Хайнц Дитрих, отмечает, насколько «верна пословица о том, что революция пожирает своих детей, а также и то, что революционные лидеры пожирают свои революции, когда становятся лишь руководителями»⁵⁵. Заявление Чавеса о том, что «lograremos construir la utopía» (нам удастся построить утопию) — весьма далеко от твердой уверенности Боливара в том, что теория должна следовать за практикой. Ощущая себя политическим спасителем Венесуэлы, а в действительности и всего латиноамериканского региона, Чавес пренебрег полезным уроком современной политики: не изобретать «воображаемые республики», с которыми его ожидает «скорее вред, нежели благо»⁵⁶.

54 Matthew R. Cleary. Explaining the Left's Resurgence, *Journal of Democracy*, 17, (October 2006): 35; Ignacio Walker. «Are There Two Lefts in Latin America?», доклад на конференции «Globalization and the Rise of the Left in Latin America» (Princeton, NJ: Princeton University Press), December 6, 2007.

55 Simon Romero. As Chavez Lashes Out, Murmurs of Discontent, *The International Herald Tribune*, December 7, 2007, p. 2.

56 *The Prince*, pp. 105, 61.